

Это — колония Милета, основанная не в V, а в VI в. до н. э. Но эти небольшие погрешности не меняют впечатления от, в общем, очень удачно написанной вводной статьи по Северному Причерноморью.

В хрестоматии имеются некоторые ляпсы — результат недосмотра ее составителей. Например, на стр. 191 сказано, что Никерат отдавал своих рабов в наем под условием уплаты за каждого раба ежегодно по одному оболу чистого дохода. Конечно, это ошибка, следует читать не «ежегодно», а «ежедневно».

Подводя итог всему сказанному, следует признать, что в составление книги вложено много кропотливого и плодотворного труда. Хрестоматия составлена заново в некоторых разделах и значительно дополнена во всех прочих. Она вполне соответствует всем предъявляемым к ней требованиям: быть пособием по источникам для студентов, слушающих курс истории Греции, для преподавателей истории в V классах, а также служить пособием на практических занятиях.

Помимо отдельных частных замечаний, которые были сделаны выше, следует считать некоторым недостатком и то, что в хрестоматии совершенно не уделяется внимания культуре. Идеология общества в хрестоматии совершенно не отражена. Хрестоматия по греческой литературе не сможет восполнить этого пробела, так как там рассматриваются только литературные явления, а не идеология в целом.

Большим недостатком в оформлении хрестоматии является отсутствие иллюстративного материала. Даются, правда, изящные виньетки в начале и конце глав, но ведь это не то, что требуется. Всюду, где возможно, следовало дать иллюстрации исторических событий и лиц. Это очень нужно как для студентов, так и для преподавателей.

Ю. С. Круشكов

Б. А. КУФТИН, Материалы к археологии Колхиды, тт. I—II, Тбилиси, изд. «Техника да ширма», 1949 и 1950, т. I—XX+360 стр., т. II—XXVIII+330 стр., тираж 2000 экз., цена 35 и 40 руб.

Рассматриваемые два тома «Материалов к археологии Колхиды» Б. А. Куфтина посвящены итогам многолетнего исследования одного из наименее изученных районов Кавказа. Война помешала быстрому изданию рецензируемого отчёта. Так, например, первый том опубликован через 15 лет после раскопок. В этом, конечно, автора упрекать нельзя. Но ему следует поставить в вину то, что он не внес никаких изменений и дополнений, настоятельно диктуемых успехами советской науки. В предисловии имеется лишь оговорка, что за указанное время многочисленные археологические экспедиции добыли «огромный материал, освещающий по-новому многие вопросы». Однако включение его представляется автору нецелесообразным, так как, во-первых, в более поздних своих исследованиях, где эти дополнения частично сделаны, он ссылается на настоящий труд; во-вторых, последующие заключения не поколебали основных выводов, поскольку «даже сравнительно ограниченный количественно вещевой материал экспедиции 1935 г. мог спокойно выдержать напор скептиков и сторонников расистско-миграционных учений, будучи обработанным на основе этногенетических концепций Н. Я. Марра...» (т. I, стр. XIX).

После этих слов Б. А. Куфтина, написанных в 1949 г., более чем странно впечатление производят его же заявление в предисловии ко второму тому, что после замечаний И. В. Сталина, С. М. Кирова и А. А. Жданова в конспектах учебников истории ему уже тогда стали ясны противоречия «между защищавшимся всюду автором историзмом в трактовке исторических фактов и отвлеченным социологизированием нового учения о языке» (т. II, стр. XXVII). Поэтому-де во втором томе элементный анализ им не привлекается.

Такая попытка замолчать методологические ошибки, допущенные в первом томе, посвященном памяти Н. Я. Марра, сделанная в предисловии ко II тому, вызывает

законное возмущение. Если Б. А. Куфтину еще в 1934 г. стали ясны ошибки Н. Я. Марпа, то почему же он счел возможным не только издать в 1949 г. без изменений свой труд, основанный именно на четырехэлементном анализе, но и пропеть панегирик «новому учению о языке» в предисловии? Почему он пишет об этом лишь в сентябре 1950 г.? Таким образом, он не только не подвергает критике ошибки первого тома, а, наоборот, их замалчивает и вводит в заблуждение читателя, указывая, вопреки очевидности, на свою якобы исконную приверженность к «подлинному историзму». Между тем честное признание своих заблуждений помогло бы ему преодолеть и те ошибочные взгляды, которые сохранились во втором томе, как дань увлечения яфетической теорией.

Вместе с тем там, где Б. А. Куфтин, исходя непосредственно из материала, дает периодизацию памятников, восстанавливая относительную, а иногда и абсолютную хронологию древней Колхиды, он показывает себя подлинным исследователем, знакомым нам по его труду «Раскопки в Триалети» (1941), удостоенному Сталинской премии. Большое знакомство с памятниками не только Кавказа, но и многих других стран, разносторонний исторический их анализ, умелые сопоставления позволяют набросать достаточно обоснованный общий очерк развития истории древней Колхиды, начиная с «мегалитической культуры ранней поры меднобронзовой эпохи» до греческой колонизации включительно.

В основу первого тома своего труда, озаглавленного «Абхазская археологическая экспедиция 1934 года под руководством акад. И. И. Мещанинова. Три этапа культурного и этнического формирования древней Абхазии», Б. А. Куфтин положил скромные по объему разновременные комплексы памятников, открытых им недалеко от Сухуми, около поселка Кюр-Дере, на территории сельского общества Эшери. Здесь имелись погребения с инвентарем типа Кобани и эллинистического времени; недалеко отсюда находятся и дольмены. Необходимо было также проверить наблюдения М. М. Иващенко (1932), относившего «бронзовую культуру кобанского типа в Абхазии к эллинистическому времени». Предположения М. М. Иващенко нарушили и археологическую и историческую перспективу.

Как известно, район Колхида в археологическом отношении исследован хуже, чем многие другие области Кавказа. Между тем античные памятники, находимые в Колхиде, раньше прочих областей Закавказья вступившей в общение с греческим миром, могут служить основой для абсолютной датировки других памятников. Уже подъемный материал, например, черепицы, фрагменты сосудов и прочих керамических изделий, предоставляет достаточно обильные данные для твердых заключений. Четкие и подробные описания, большое количество привлеченных параллелей, основанных на тщательном изучении музеиных коллекций Советского Союза и других стран, дают возможность Б. А. Куфтину предлагать убедительные датировки как для отдельных памятников, так и для целых комплексов.

В первой части «Селища и погребения эпохи греческой колонизации в районе Эшери», охватывающей пять глав («Характеристика подъемного материала с поселений», «Инвентарь двух разнотипных погребений на холме Верещагина», «Семантика изображений на перстнях из второго погребения», «Обряды погребения через кремацию и ингумацию», «Местоположение эшерских поселений на исторической карте античной Колхиды») (стр. 5—132), автор излагает результаты исследований на месте существовавшего в Эшери поселения, датируемого IV—III вв. до н. э. Этую датировку подтверждает инвентарь двух разнотипных захоронений, открытых на холме Верещагина.

Очень много места — около 40 страниц (стр. 55—91) — уделено семантике изображений двух бронзовых перстней-печатей, на которых представлены «собаковидные существа» — «эмеля-волк», по мнению Б. А. Куфтина, и крылатый грифон, т. е. довольно обычные для искусства стран древнего Востока сюжеты. Занявшиеся семантикой этих изображений в полном отрыве от конкретных исторических фактов, опираясь на «нормы первобытного мышления» и элементный анализ, автор проделал большую, но в значительной степени бесполезную и бесплодную работу. Усложнение логика-

самых простых фактов, увлечение внешними созвучиями и поверхностным сходством в стиле Н. Я. Марра и А. Н. Веселовского, ибо в их методе есть много общего,— именно те самые черты, о которых только что упоминалось, делают эту часть работы совершенно неубедительной. К ней вполне применимы слова И. В. Сталина: «...разрабатывая вопросы семантики и используя её данные, никоим образом нельзя переоценивать её значение, и тем более — нельзя злоупотреблять ею»¹.

После длинных, чрезвычайно сложных мудрствований о грифоне, Б. А. Куфтин в конце концов должен признать свое бессилие разрешить им самим поставленный вопрос, а тем самым и бессилие метода, которым он пользовался (стр. 70).

В то же время, частные выводы Б. А. Куфтина бесспорно интересны и цепны в научном отношении тогда, когда он строит их на конкретном археологическом материале и реальных фактах. Характерно, что в этих случаях автор обычно ни к палеонтологическому анализу, ни к семантике не прибегает. Так, например, даже очень скромный инвентарь эшерских погребений, в которых оказывается воздействие античных влияний, чуждых местным традициям, позволяет ему заключить, что прибрежное население устанавливает в это время тесные экономические связи с греческими торговыми городами. Тем самым ускоряется процесс распада первобытно-общинных отношений. Связи с греческим миром подтверждаются и открытием урн с пеплом покойников, в чем оказывается влияние греческих обычаяев.

Заключительная глава первой части книги посвящена вопросу о местоположении поселений района Эшери на исторической карте античной Колхиды. Связь могил с городищем доказывает, что они принадлежали не только сельскому населению. Ряд признаков — существование водопровода, сравнительно большое количество кривельной черепицы, привозной керамики и пр.— позволяет предположить, что среди жителей этого поселения началось имущественное расслоение, а также и то, что среди них выделяется прослойка ремесленников. Глава оканчивается обстоятельным экскурсом по исторической географии, цель которого уточнить местоположение некоторых поселений юго-восточного побережья Черного моря, в частности Эшери и Севастополя (городов с этим именем было несколько, что приводит к недоразумениям). Б. А. Куфтин полагает, что Севастополь, упоминаемый географом Птолемеем и основанный между реками Фасисом и Аспаром, нельзя смешивать с одноименным городом на месте Диоскуриады, которая тогда не существовала. Первый — скорее всего Фасис, а второй, вероятно, находился на месте Сухуми; в 11 км севернее располагалось одно из местных поселений (совр. Эшери).

Вторая часть первого тома (стр. 133—257) — «Могильник эпохи поздней бронзы»— состоит из четырех глав: «Памятники кобанского типа Западной Грузии», «Кувшинный оссуарий в Эшери и обряд вторичных захоронений», «Кобанская позднебронзовая культура и киберосперская этническая стадия Кавказа», «Послекобанский инвентарь эпохи образования колхского этнического слоя». В основу исследования и в этом разделе положен инвентарь погребений, добытый при раскопках в Эшери. Раздел начинается кратким обзором разнообразных памятников эпохи бронзы, найденных в Западной Грузии, в частности в Абхазии. Они сопоставляются с типологически сходными памятниками не только других областей Кавказа, но и различных других стран. Широкое привлечение параллелей помогает автору довольно точно определять время изготовления тех или иных предметов и устанавливать наиболее характерные черты культуры данного периода. «Обзор коллекций в Абхазском музее ставит нас лицом к лицу с богатой и сложной бронзовой индустрией кобанского типа у населения Абхазии в эпоху, предшествующую греческой колонизации, указывая тем на значительное развитие хозяйственной жизни туземного населения Колхиды, вошедшей с начала I тысячелетия до н. э. в круг интересов ионийских племен и получившей затем прочное отражение в древнегреческой литературе и мифологии» (стр. 134).

На всей территории распространения бронзовых изделий кобанского типа отме-

¹ И. Стalin, Марксизм и вопросы языкоznания, Госполитиздат, 1951, стр. 38.

чается единство предметов культурного обихода, что свидетельствует не только о тесных экономических связях, но и об «известной общности экономического субстрата, оформившегося на этой почве и дифференцировавшегося от соседних областей» (стр. 136). Единый стиль и одинаковое «содержание религиозных и художественных проявлений» говорит «об оформлении какого-то реального для данной эпохи племенного массива, хотя впоследствии распавшегося на отдельные части, но продолжавшего хранить в отложениях языка и материальной культуре память о своем историческом прошлом» (стр. 137).

Однако аргументация Б. А. Куфтина при анализе отдельных предметов часто неубедительна. Она не убедительна именно тогда, когда автор, отвлекаясь от реальных исторических фактов и отношений, начинает подгонять их под абстрактные марровские схемы, основываясь на случайных совпадениях. Например, при исследовании широких цилиндрических браслетов из Эшери он сопоставляет последние с «манжетными» браслетами негров Африки вплоть до Бенина и готтентотов. Так, Б. А. Куфтин считает вполне допустимым «планомерное вовлечение африканского материала в круг анализа древних памятников Кавказа не только в меру стадиальных соответствий, но и значимости реально-исторических связей» (стр. 162). Напрашивается вопрос: какие «реально-исторические связи» могли существовать между древним населением Колхида и, допустим, неграми Верхней Гвинеи или Камеруна? Ясно, что никаких связей быть не могло и не было.

Анализируя вторичные погребения в кувшинных оссуариях, Б. А. Куфтин вновь проводит очень широкие аналогии, заимствованные из различных стран и эпох — от волго-финских племен вплоть до обрядов маздеизма. Правда, тут же делается оговорка, что последний «не может нас в данном случае касаться» и что он имеет «значение лишь с точки зрения принципиальной необходимости искать объяснения изучаемого нами типа погребения во всевозможных бытовавших здесь обрядовых формах, хотя бы и зарегистрированных лишь в культурных течениях во времена значительно более поздние» (стр. 187). Подобная перегруженность материалом все же представляется неоправданной.

Установление этнического состава населения на основании инвентаря эшерских погребений — такова задача следующей главы, содержание которой значительно шире заглавия. Здесь имеются интересные исследования, например, об источниках олова. Определить источники его пока невозможно, необходимо провести еще сложные химические анализы, несомненно только, что его доставляли из других соседних стран. Ввоз олова «неопровергнуто указывает на широчайшее значение, какое имела переброска этого металла в родовых обществах на значительные пространства как путем мирной торговли, так и в форме различных типов военной добычи» (стр. 209). Скорее всего источники олова, как доказывают формы некоторых предметов, следует искать на западе, в Средиземноморье.

Инвентарь эшерского погребения синхронен могилам Верхней Кобани. Вместе с тем он доказывает тесные производственные связи населения по обеим сторонам Кавказского хребта. Однако нельзя отрицать и некоторые различия, «указывающие на крупные территориальные расхождения хозяйственных типов в разных географических районах» (стр. 212). Таким образом, полностью опровергается датировка М. М. Иващенко, отнесшего эшерские погребения ко времени греческой колонизации.

Эти выводы Б. А. Куфтина, несомненно, ценные: они основываются на изучении памятников материальной культуры. Но там, где он обращается вновь к яфетидологии, желая установить этнический состав населения того периода, мы опять попадаем в схоластические дебри заумствований элементного анализа, при помощи которого, вопреки общезвестным и неоспоримым историческим фактам, автор пытается доказать, что немцы были «продолжателями шумеров и иберов, resp. кимеров» (стр. 196). Подобными же заключениями опираются и здравые в своей основе выводы конца последней главы второй части.

На основании детального рассмотрения вещественных памятников, в частности так называемого Бомборского клада, и анализа соответствующих религиозных пред-

ставлений (культ богини-матери) автор правильно утверждает, что послекобанский период характеризуется господством патриархата, выделением жречества, появлением богатого погребального инвентаря, имущественным расслоением «на основе широких торговых сношений прибрежного населения в эпоху, непосредственно предшествующую древнеэллинской колонизации Колхиды» (стр. 253). Но в то же время, из слов Б. А. Куфтина, ссылающегося на Н. Я. Марра, объективно получается, что появление золота и железа на Кавказе — не результат развития производительных сил общества, а следствие влияния «финикийского» искусства. Сами же финикияне при помощи элементного анализа сопоставляются с древнейшим населением Кавказа — генохами, а через них и со сванами.

Третья и последняя часть первого тома — «Дольменная культура Абхазии» — (стр. 258—322) также состоит из четырех глав, названия которых до некоторой степени дают представление об их содержании: «Некоторые замечания в связи с открытием дольменов в Абхазии», «Раскопка двух дольменов в Кюр-Дере и сравнительная характеристика погребального инвентаря», «О характере инвентаря северокавказских дольменов», «Вопрос об этническом оформлении дольменной стадии Восточного Черноморья».

Б. А. Куфтин исследовал самую обширную из абхазских группу дольменов, расположенную в 5—6 км от селения Эшери, которая до него оставалась почти вне поля зрения археологов, занявшихся ею лишь с 1926 г. Черноморские мегалитические памятники крупнее лучше изученных кубанских. С присущей автору добросовестностью привлекаются многочисленные данные об этих до сих пор еще загадочных сооружениях и разбираются различные гипотезы, пытающиеся установить причины их возникновения. Объяснения, предлагаемые буржуазными учеными, обычно исходят из «отвлеченно технологических или отвлеченно идеологических соображений». Б. А. Куфтин справедливо полагает, что прежде всего необходимо при помощи погребального инвентаря определить время появления дольменов. Тогда легче будет уточнить и направление культурных влияний. Однако решить эти вопросы не так просто. Предметы, найденные в этих погребениях, игравших роль коллективных оссуариев семейно-родовых гробниц,— топоры, бусы, кинжалы и т. п.— позволяют только отметить известное «соприкосновение» с более поздней кобанской культурой. Вероятно, строители дольменов находились на более ранней стадии первобытно-общинных отношений, чем носители кобанской культуры. Во всяком случае они «... входят в круг раннемегалитических культур востока Средней Европы... и датируются началом II тыс. до н. э.» (стр. 272). О заимствовании культурных форм говорить не приходится. Скорее всего мы сталкиваемся с единством их развития в районе Черноморья. Следуя установкам Н. Я. Марра, автор отрицает миграции в начале I тысячелетия до н. э., в частности киммеров, хотя передвижение последних неопровергнуто засвидетельствовано документами ассирийских архивов.

Первый том своего труда Б. А. Куфтин завершает попыткой определить этнический состав племен этой стадии развития древнего Кавказа. Он правильно указывает, что основные причины изменения форм культуры во всех ее проявлениях, начиная с инвентаря погребений, следует искать не в переселениях племен и народов, хотя некоторые из них исторически засвидетельствованы, а в прогрессе средств производства и связанных с ними общественных отношениях. Б. А. Куфтин подчеркивает, что ввиду слабой изученности мегалитических сооружений Абхазии и неясности отношений их строителей к соседним районам и племенам, невозможно включать последние в ту или иную этническую среду. Одновременно он отмечает,— и с этим следует согласиться,— что всякое этническое наименование применительно к племенам того времени лишено какого бы то ни было реального, конкретного содержания, так как оно было бы оторвано от исторически известных народов. Тем не менее он вновь пускается в дебри элементно-палеонтологического анализа, сопоставляя урартов (алородийцев) с этрусками.

Второй том рецензируемой книги — «Археологические изыскания в Рионской плизменности и на Черноморском побережье 1935 и 1936 годов» — также состоит из

трех частей и по композиции сходен с предшествующим. В первой, наиболее обширной части (стр. 1—148) исследуется древнее поселение в Нижнем Гоми Самтредского района, где в 1936 г. был открыт кувшинный некрополь времен Колхидского государства. На раскопки в Нижнем Гоми натолкнула коллекция разнообразных предметов, приобретенных у местных крестьян: украшения, монеты, фрагменты керамики и пр., относящиеся к различным периодам вплоть до римского времени включительно. В этом районе всего было исследовано 28 кувшинных погребений на четырех различных участках. Кроме того, разведочными траншеями археологи пытались определить характер древнего поселения и толщину культурного слоя. Подробному описанию этих работ и найденных материалов отведены первые пять глав указанного раздела: «Дабла-Гомская археологическая экспедиция», «Обзор кувшинных погребений Верхне-Гомского некрополя», «Инвентарь кувшинных погребений в Нижнем Гоми и погребальный обряд», «Материалы из культурного слоя в Нацхвари эпохи античной и предантичной Колхида», «Следы поселений, относящихся к концу бронзы и ее началу (неолиту) в Нижнем Гоми».

Так же как и в первом томе, Б. А. Куфтин подробно описывает все разнообразные предметы, группируя их по материалу, из которого они изготовлены: железное оружие, бронзовые и золотые украшения (первые характеризуются узким ассортиментом, сплавами хорошего качества без каких-либо следов цинка), бусы и подвески из стекла и камня, колхидские монеты, керамика. Сосуды, обнаруженные в кувшинных погребениях, отличаются однообразием форм и почти полным отсутствием орнамента. Автор, как обычно, привлекает многочисленные аналогии из хорошо известных ему различных археологических собраний, что облегчает датировку находок. Так, стеклянные веретенообразные бусы из Нижнего Гоми близки бусам из «мидо-персидского» слоя поселения в Алишар-Эйюк (Малая Азия). Типологический анализ инвентаря погребений и сопоставление с другими, близкими им по характеру, некрополями и кладами позволяет датировать их ахеменидским и раннеэллинистическим периодами. Это подтверждают и находки колхидок. Что касается погребений в кувшинах, то, по мнению автора, они являются «повторным возникновением некогда существовавшего и, возможно, сохранившегося в народной памяти обычая из новых предпосылок, связанных, например, с взаимодействием кремации и ингумации в условиях широкого использования для потребностей виноградного хозяйства огромной величины зарываемых в землю винных сосудов...» (стр. 75). Интересно наблюдение, что отсутствие специального некрополя и захоронение урн на значительном пространстве свидетельствуют об обычай захоронения в усадьбах. Тем самым подтверждается «раздробленность семейного землепользования в пределах широко разбросанного по обширной территории... поселения».

Обычай класть в рот умершему монету (колхидку) говорит не только о распространении греческих обрядов и представлений, но и о глубоких изменениях в социально-экономических отношениях. Ведь только в условиях существования государства, а следовательно, и классового общества, мыслима чеканка монеты. Существенные исторические заключения позволяет сделать и керамический материал. Наряду с явно импортными греческими амфорами, служившими тарой для масла и вина, амфоры изготавливаются и на месте греческими и туземными мастерами. Таким образом, развитие сельскохозяйственного производства вызвало потребность в новом виде тары.

Кровельная черепица из культурного слоя Нижнего Гоми служит доказательством того, что «развивавшееся денежное обращение способствовало в это время обогащению зажиточного класса, который даже в сельских районах получал возможность создавать жилище более комфортабельного городского типа, крытое фабричной черепицей...» (стр. 91).

Антично-колхидским культурным слоем перекрывается в Нижнем Гоми более древний, вскрытый разведочными траншеями и относящийся ко времени не позже поздней бронзы. Б. А. Куфтин называет его колхидско-кобанским. Незначительные размеры раскопанной площади и ограниченное количество находок не позволили определить время распространения некоторых форм керамических изделий. Теперь можно

внести некоторую ясность. Вообще сосудов в этом слое — переходном от бронзы к железу — найдено немного. Все они изготовлены на гончарном круге, большей частью тонкостенные и сравнительно хорошо обожжены. Кроме лощеных сосудов, встречаются и каннелированные. В нижнем слое керамика леплена от руки и очень близка сосудам, обнаруженным автором в курганах, погребениях и поселениях Цалкинского района, с которыми она объединяется в одно культурно-историческое целое. Абсолютная датировка, предлагаемая Б. А. Куфтиным для этого слоя, — рубеж III и II тысячелетий до н. э. Не подлежит, однако, сомнению, что носители этой культуры уже перешли к оседлости, а земледелие и скотоводство играли известную роль в их хозяйстве. К подобным выводам позволяют прийти обнаруженные здесь зернотерки, кости крупного рогатого скота и свиней.

В последней главе автор подводит итоги археологического обследования Нижнего Гоми, оценивая все три культурных слоя, краткая характеристика которых дана выше. Третий, верхний слой, соответствующий времени существования древнеколхского государства, является непосредственным продолжением предшествующих и их дальнейшим развитием. В этот период, несмотря на стремление греков монополизировать торговлю с Колхией, местное население общается и с другими странами Юга и Востока. Во всяком случае, сюда, например, достаточно широко проникали цветные стеклянные бусы из мастерских Сирии. Что касается сердоликовых бус, то пока трудно определить, откуда они были завезены, но во всяком случае это были предметы ввоза. Таким образом, небольшая разведочная экспедиция в Нижнем Гоми дала, несмотря на скромные размеры, значительный по своему содержанию новый материал, расширяющий наши ограниченные сведения о Колхидском царстве.

Вторая часть — «Кургanoобразные холмы Рионской долины» (стр. 149—258), — несколько уступающая по своим размерам предшествующей, включает две главы: первая из них рассматривает «Задачи комплексного изучения археологических памятников Колхидской низменности и план очередных работ».

Геологическая структура Колхиды создает особенно благоприятные условия для установления последовательности чередования культурных слоев. Поэтому ее исследование имеет большое значение для археологического изучения Кавказа, в первую очередь для истории развития хозяйственных форм, а также для установления относительной и абсолютной хронологии. Б. А. Куфтин указывает на трудности проблемы, которая возникает перед учеными различных специальностей (здесь требуется координация сил геологов, климатологов, палеоботаников, зоологов и т. п.), приступающими к решению этой задачи, а затем намечает подробную программу дальнейших работ.

Вторая глава этой части посвящена «Некоторым соображениям о датировке культурных слоев и керамики жилых домов Наохваму и Диха Гузубе». Материалы, добытые в 1933 г. в курганах между Миха Цхакая и станцией Квалони, доказали, что в Западной Грузии существуют неизвестные до сих пор культурные слои времени, предшествующего эпохе поздней бронзы. Эти слои характеризуются оригинальными формами керамики. Оставались неизвестными до сих пор и керамические изделия Колхиды, современные поздней бронзе. В их орнаментации видную роль играет гребенчатый штамп.

По внешнему виду курганы в районе Квалони напоминают террамары долины р. По (Италия). В холме Наохваму, где производились раскопки, обнаружены остатки деревянных сооружений и обильные кухонные отбросы. Дальнейшие исследования дадут возможность определить данный памятник, который, может быть, представляет собой и «небольшое семейно-родовое поселение с обнесенным оградой жилищем круглого плана» и «святилище примитивного земледельческого культа, обнесенное своеобразной оградой „кромлехом“» (мнение А. И. Болтуновой). Б. А. Куфтина в первую очередь интересует стратиграфическая классификация находок. По его мнению, «металлический инвентарь укладывается, повидимому, целиком в эпоху поздней бронзы и характеризует южный вариант колхидо-кобанской культуры» (стр. 174). Эта гипотеза аргументируется при помощи многочисленных аналогий.

Найденная единственного экземпляра литого бронзового втульчатого наконечника стрелы служит поводом для малопонятного экскурса, в котором этот наконечник сближается с «лигурийскими» стрелами (по Дешелетту). Так как одного типологического сопоставления недостаточно, то в помощь вновь привлекается весь арсенал яфетидологической эквилибристики, основанный на более или менее случайных созвучиях, который, как и следовало ожидать, только еще запутывает вопрос.

Керамика дает возможность датировать верхний слой Наохваму примерно временем ранней греческой колонизации Восточного Черноморья. Для того чтобы точнее представить стратиграфические отношения между отдельными керамическими группами, Б. А. Куфтин располагает соответствующие материалы раскопок по абсолютной глубине залегания и дает характеристику отдельных типов сосудов.

Из других находок можно отметить скульптурное изображение головы лошади. Пытаясь определить значение этого памятника, Б. А. Куфтин снова делает длиннос, на 18 страницах, отступление, посвященное культу коня и истории календаря, которое представляет собой очередные голые абстракции, основанные на внешних созвучиях разноязычных слов, натянутых сравнениях и сопоставлениях, причем в ход пускаются все средства и «нового учения» о языке и сравнительно мифологической школы.

Наиболее бедный находками средний слой, возможно, возник из разрушенных глинянитных стек. Здесь обнаружены сосуды с роговидными ручками, по форме близкие сосудам из террамар эпохи средней бронзы.

В нижнем слое, наиболее насыщенном фрагментами керамики, открыты изделия из дерева, с явными следами острорежущих металлических орудий. Сами орудия пока еще не найдены. Родственная древнекикладскому типу богатая орнаментация глиняных сосудов, возможно, объясняется торговыми связями между восточным побережьем Черного моря и Кикладами в эпоху средней бронзы, которой и датируется весь комплекс памятников Наохваму. Для нижнего слоя эта датировка представляется несколько завышенной. В действительности он, вероятно, древнее.

Другой раскопанный холм (Диха Гузубе) расположен направо от шоссе Анаклия—Зугдиди, у устья р. Ингур. Он значительно отличается от Наохваму и по общему характеру деревянных сооружений и керамикой, хотя его верхние слои синхронны последнему. Эти отличия обусловлены не только хронологическим несоответствием нижних слоев, но, возможно, и пока неустановленными хозяйственными и этническими особенностями. Всего в Диха Гузубе установлено четыре культурных слоя. Нижний резко отличается от последующих лепленной от руки керамикой. Его возраст может быть частично определен при помощи фрагмента глиняной формы для литья, что свидетельствует о существовании металлургии. Второй и третий слои близки друг другу. В это время уже существовало относительно развитое зерновое хозяйство и скотоводство. Из верхнего — четвертого слоя происходят фрагменты сосудов, вылепленных на гончарном круге. Он едва ли выходит за пределы поздней бронзы. Раскопки еще не закончены, и выводы носят пока предварительный характер. Этот раздел значительно выиграл бы, если бы автор дал сначала описание слоев, а затем перешел бы к общей характеристике. К сожалению, он поступает наоборот, чем несколько затрудняет уяснение и самого материала и своих мыслей.

Последний раздел — «Археологические разведки в районе Очемчири» (стр. 259—297) — состоит из трех глав. Он начинается небольшим исследованием «О вероятном местонахождении древнегреческой пристани Гизнос у устья р. Моквы». В 1935 г. Б. А. Куфтин обследовал район строительства Очемчирского порта, где при работах находили памятники древности, происходившие, очевидно, из какого-то поселения, которое, как было установлено, располагалось на трех холмах. В наибольшем из них (высота — 7 м, диаметр — 100 м) было обнаружено скопление золотых украшений. Предварительное знакомство с местностью и добытыми материалами позволило прийти к выводу, что здесь еще в начале XVII в. располагалось исчезнувшее вскоре после этого поселение, обозначавшееся на итальянских картах того времени как Тгуанас. Оно, вероятно, соответствует в свою очередь античному Гизнос периолов IV в. до н. э.

«Стратиграфические наблюдения на Западном холме Очемчирского порта» (так назы-

вается вторая глава) выявили три основных культурных слоя: доантичный, античный и феодальный. Керамика нижнего слоя резко отлична от последующих и ограничивается двумя типами. Один из них, представленный небольшим количеством черепков, близок архаической лепленной от руки керамике времени энеолита Сирии, Малой Азии и Средиземноморья. Это тонкостенная посуда с черной лощеной поверхностью типа так называемого *buccchero*. Таким образом, мы получаем опору для датировки данного слоя, который в общем, несмотря на некоторое отличие, сходен с *нижними* слоями других холмов Колхидской низменности, в частности Диха Гузубе, что указывает, таким образом, на «существование однородного, по хозяйственному типу, населения по всей низменной прибрежной полосе в эпоху раннего медно-бронзового производства» (стр. 268). Вполне можно согласиться с автором, что «насыщенность этого слоя и другими вещественными памятниками культуры дает в случае расширенных работ здесь ... ценнейший материал для уяснения до сих пор совершенно отрицавшегося в литературе огромного периода в развитии на территории Грузии туземного общества в эпоху раннего появления металла и оседлых форм быта, основанных на примитивно-земледельческом и примитивно-животноводческом хозяйстве» (стр. 269).

Материалы, найденные в античном слое, вполне подтверждают правдоподобность существования здесь греческой фактории, скорее всего Гиэнос. Возможно, к северу от главного холма находился некрополь, так как в некоторых обнаруженных здесь предметах можно подозревать остатки погребального инвентаря.

Так как между первым и вторым слоем залегает пласт глины до 1,5 м толщины, без всяких культурных остатков, то античное поселение возникло тогда, когда от энеолитического не осталось уже никаких следов. Наоборот, третий слой — феодальной эпохи — является непосредственным продолжением второго. К нему относятся остатки водопровода и печи для обжига керамики.

Последняя глава описывает «Стоянку с текстильной керамикой у г. Очемчири», которая дала пока единственные в своем роде, в частности для Южного Кавказа, керамические находки. Вместе с тем она представляет возможность датировать современные геологические движения и процессы формирования морского дна Колхида, что имеет прикладное значение. Стоянка характеризуется необычными по форме угловатыми ручной лепки сосудами с отпечатками на них тканей высокого качества. Подобный примитивный способ производства текстильной керамики, по мнению Б. А. Куфтина, вызван не незнанием гончарного круга, а желанием получить сосуды специальной формы. На основании стратиграфических данных он датирует их концом бронзовой и началом железной эпохи. В качестве рабочей гипотезы выдвигается предположение, что жители этого поселка занимались солеварением и что эти сосуды служили для выпаривания соли.

Работа Б. А. Куфтина представляет некоторый интерес. Это обусловлено и достаточно широкой постановкой темы, несмотря на ограниченность археологических находок, и большим количеством привлеченного материала, интересными аналогиями и сопоставлениями. Б. А. Куфтин попытался создать хронологическую периодизацию памятников материальной культуры древней Колхида и определить место, занимаемое ими среди памятников не только Кавказа, но и вообще древнего мира. Уточнение некоторых существенных проблем, например, об источниках олова, о характере землепользования, об уровне развития земледелия и скотоводства, также должно быть отнесено к достоинствам настоящей работы. Однако вызывает законный протест тот факт, что Б. А. Куфтин не считал нужным переработать свою рукопись, написанную около 15 лет назад, и в значительной мере испорченную следованием за концепцией Марра. Поэтому книга требует коренной переделки. Это относится и к частностям. Например, автор пользуется ныне уже отвергнутой «длинной» хронологией Двуречья. Неверно утверждение, что «эпоху древнекхеттского государства» можно датировать каппадокийскими табличками из Кюльтепе (т. I, стр. 59). Хеттское государство возникает в XVII в. до н. э., а каппадокийские таблички относятся к XIX в. до н. э. Можно указать и другие менее значительные отдельные недочеты. Существенную помощь оказали бы Б. А. Куфтину работы других советских археологов, появив-
шихся

шиеся за последние 10 лет, которые он в первом томе почти совершенно не использовал, а во втором привлек в недостаточной степени. В первую очередь это относится к трудам А. А. Иессена¹, который убедительно доказал значение местных типов кобаньских топоров. Не стал бы тогда автор, вероятно, настаивать и на своем утверждении, что наконечники копий не характерны для кобанской культуры.

Сохраняется недостаток, справедливо отмеченный в свое время Т. С. Пассек в рецензии на «Археологические раскопки и Триалети»²: Б. А. Куфтин при установлении датировок и определении того или иного археологического памятника часто принимает во внимание не весь комплекс, а только отдельные памятники. Следует отметить обилие опечаток. Их значительно больше, чем указано в списках, несмотря на то, что во втором томе имеется два списка опечаток. Далеко несовершенны и клише: некоторые фотографии просто неразличимы. Доступность изложения постоянно ограничивается тяжелым языком, не всегда оправданными отступлениями и перегруженностью излишними аналогиями. Но главный недостаток обоих томов — непреодоленность их автором марровских «теорий». Необходимо требовать от Б. А. Куфтина самокритического разбора допущенных методологических ошибок и решительного отхода от его марровских взглядов.

И. С. Кацнельсон

Н. ПИГУЛЕВСКАЯ, Византия на путях в Индию. Из истории торговли Византии с Востоком в IV—VI вв., Издательство АН СССР, 1951, 410 стр., тираж 7000 экз., цена 21 руб.

В советской исторической литературе общепризнано, что одной из существенных особенностей экономической жизни восточных областей Римской империи было значительно большее, чем на Западе, развитие торговли, внутренней и внешней. Общепризнано также, что эта особенность не могла не оказать влияния на процесс разложения рабовладельческого строя в восточном Средиземноморье и на оформление византийского, а отчасти и арабского феодализма. Несомненно поэтому, что исследование восточно-средиземноморской, в первую очередь, византийской торговли эпохи перехода от рабовладения к феодализму представляет выдающийся научный интерес.

До настоящего времени, однако, мы не имели ни одной монографии, посвященной этой проблеме. Дело в том, что изучение византийской торговли, ее характера и размеров, ее связи с другими экономическими и социальными явлениями того периода невозможно на основании только греческих и латинских источников. Византийская империя, подобно другим империям рабского и средневекового периодов, представляла «... конгломерат племён и народностей, живших своей жизнью и имевших свои языки»³. Некоторые из этих народностей, в частности, населявшие восточные провинции, например, сирийцы, свреи, играли очень активную роль в торговом обмене. Естественно, что без использования памятников, сохранившихся от этих народностей и написанных преимущественно на их языках, никакое исследование византийской торговли не может претендовать на научность и полноту. Еще более многоязычны источники по истории внешней торговли Византии, поскольку в их состав в обязательном порядке входят иранские, южноарабские, кавказские и даже среднеазиатские памятники. Все это требует от исследователя филологической подготовки очень широкого диапазона.

¹ См., например, А. А. Иессен, Греческая колонизация Северного Причерноморья, Л., 1947.

² ВДИ, 1946, № 1, стр. 147—157.

³ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951, стр. 12.